

Бенгальская сказка: Камала

В деревне Гулия, одной из красивейших в округе, жил некогда чакладар по имени Маник. Он был богат и пользовался любовью и всеобщим уважением. Он владел сорока бигхами земли, несколькими красивыми домами с четырехскатными и восьмискатными крышами. В его загонах стояли десять слонов, в конюшнях – тридцать лошадей, на лугах паслись стада коров, коз и буйволов; закрома ломились от зерна. Богатства чакладара охраняла тысяча солдат.

Каждый день в его доме кормили сотни гостей. И если туда попадал случайный путник, он не уходил с пустыми руками. Факир или вишнуит стучался в его дверь – все получали у него добрую меру риса, а если в доме была готова еда, гостя кормили и вдобавок давали новую одежду. Если же гостем оказывался брахман, он получал еще и деньги за то, что не погнушался принять пищу в доме хозяина. Каждый год здесь торжественно отмечали тринадцать различных праздников.

У чакладара был сын по имени Садхан, красивый, как Кама–дэва – бог любви, и столь же прекрасная дочь, по имени Камала, которой астрологи предсказывали счастливую судьбу. А пока она жила в доме отца, освещая его своей красотой, казалось, сама богиня Сарасвати спустилась с небес, приняв облик дочери чакладара.

У чакладара был управляющий по имени Нидан. Он собирал налоги и вел счет доходам и расходам хозяина. В той же деревне жила молочница Чикан. В молодости она была веселой и разбитной девушкой. Она торговала молоком, разбавляя меру молока тремя мерами воды, и всегда улыбалась покупателям. Ее речи были слаще молока, которым она торговала, и дела у нее шли бойко. Раньше поклонники вились около нее, как пчелы вокруг цветка, и ей не приходилось скучать в одиночестве. Само имя Чикан, что значит «Скользкая», «Хитрая», служило поводом для всяких пересудов.

Молодые годы Чикан остались далеко позади, но она по–прежнему одевалась ярко. Волосы у нее поседели, много зубов выпало. Но она была не из тех, кто унывает, и, хотя ее муж давно умер, не расставалась с браслетами из ракушек. Поговаривали, что она колдунья, что бетель и масло, над которыми она колдовала, становились приворотным зельем и, отведав его, даже самые добродетельные жены бросали своих мужей.

Дочь чакладара была девушкой необыкновенной красоты. Ее речь напоминала нежное пение кукушки. Густые черные, как ночь, волосы она иногда заплетала в косы, а чаще они падали на ее плечи длинными вьющимися локонами. С ее удивительными глазами не могли соперничать даже прекрасные темно–голубые цветы–апараджита. А когда она наряжалась в сари огненного цвета, красота ее превосходила красоту звезд.

Однажды в сопровождении служанок пошла Камала на пруд искупаться и присела на каменные ступеньки гхата. Тут ее и увидел управляющий Нидан. Когда она вошла в пруд, ее лицо казалось распустившейся на воде лилией. Нидан стоял за цветущими ветвями бокула и бросал на Камалу жадные взгляды. А когда, искупавшись, она медленно направилась по тропинке к своему дому, он укрылся за деревом–кадамба, чтобы лучше разглядеть девушку.

Старая молочница часто посещала дом чакладара, куда она приносила масло, творог и дахи. Она хорошо знала Камалу, и обе женщины часто беседовали.

Нидан узнал об их дружбе и о колдовских чарах молочницы. Заложив за щеку бетель и сделав вид, будто у него кончилась известь, без которой, как известно, бетель не бетель, он неспешным шагом направился к дому молочницы.

– Дай мне немного извести для бетеля, – сказал он Чикан, – я обыскал весь свой дом и ничего не нашел. Вот только я забыл захватить деньги, и мне нечем сейчас тебе заплатить.

– Я не торгую бетелем и известью, – с улыбкой отвечала ему молочница, – и никогда не беру за них деньги. Если, конечно, посетитель мне по душе.

– Ты немного старовата, – отшутился Нидан, – но твой муж, видно, заквасил в тебе, добрую толику юмора, если ты его еще до сих пор не растеряла.

На это она ответила:

– Перец становится тем ароматнее и острее, чем дольше он зреет. Юмор необязательно покидает человека с возрастом, и меня все любят за мой веселый нрав. Не надо со мной хитрить, скажи прямо, зачем ты ко мне явился?

Молочница усадила гостя, приготовила для него бетель и подала хукку.

Нидан затаился и начал изливать ей свое сердце:

– Когда–то ты и сама была молодая и в тебе бурлили чувства, точно морской прилив. Кто–кто, а ты хорошо знаешь, как желания молодости будоражат душу. К тебе я пришел потому, что недавно увидел Камалу, дочь чакладара, и с тех пор хожу сам не свой. Сделай так, чтобы она стала моею, не то я убью себя,

Молочница поджала губы и сказала:

– Никогда больше не заводи со мной такие речи. Если только чакладар узнает об этом, не сносить тебе головы. К чему все это? Зачем тебе губить свою молодую жизнь из–за несбыточной мечты?

Тогда Нидан упал перед ней на колени:

– Я знаю, что ты обладаешь волшебными чарами. Ты одна можешь мне помочь!

С этими словами он протянул ей толстый кошелек,

С тех пор управляющий стал часто навещать молочницу, хорошо оплачивая ее советы.

И вот однажды он написал Камале такое письмо:

«О прекрасная, ты не ведаешь, какие я, незнакомец, испытываю к тебе чувства. При виде тебя я теряю самообладание. У меня, конечно, мало надежды, что ты захочешь отдать мне свою молодость. Зато я готов отдать тебе все, что имею: ради тебя я готов пожертвовать жизнью. Ты – моя вера, моя жизнь! Ты словно гирлянда цветов; если я не вижу тебя хоть один день, я не нахожу себе места и груз печали гнетет мою душу. В такие минуты даже деревья сочувствуют моим слезам, роняя листву. Один твой ласковый взгляд может возродить меня к жизни. Неужели тебя не тронут мои страдания?» Завязав это письмо в уголок своего сари, молочница направилась в дом чакладара.

Камала сидела на золотой кушетке, прикрыв лицо и грудь свободным концом голубого сари, и жевала ароматный бетель. Когда она улыбалась, казалось, будто на ее губах распускаются белые цветы маллики; гирлянда из свежих цветов малати украшала ее шею. При виде

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

молочницы она сказала с притворным гневом:

– Что случилось, молочница? Творог у тебя стал горьким, масло ты нам приносишь несвежее. Вот погоди, я пожалуюсь отцу, и он выгонит тебя из нашей деревни.

– Бедная я, бедная, – в тон ей отвечала старуха. – Когда-то я была молодая, и все у меня было сладкое – и молоко и творог. Даже когда я подмешивала к одной части молока три части воды, люди все равно хвалили мой товар. Тогда на него был большой спрос. Как пчелы вокруг улья, вились возле моего дома мужчины. А теперь, когда ушла моя молодость, все мною недовольны, хотя я делаю теперь творог из цельного молока. А как старательно сбиваю я масло! И все равно никто не находит для меня ни словечка благодарности. Не стану я больше продавать ни творога, ни масла, как бы ни было мне трудно в мои годы.

Послушай лучше, что я тебе скажу, о прекрасная дева! Над тобой уже зажглась заря юности, а ты живешь суровой жизнью затворницы. Когда распускаются цветы, на них слетаются пчелы, но ни одна пчела не подлетит к засохшему цветку. Мне жалко тебя: ты сама плетешь себе гирлянды, чтобы украсить свою молодость. Разве это может доставить удовольствие? Много есть пчел, что стремятся к тебе, мой славный цветок, зачем же тебе скрываться от них? Если бы ты вышла замуж, я бы приготовила твоему жениху такую вкусную дахи – пальчики оближешь!

Камала придвинулась ближе к молочнице и тихо сказала:

– Слушай, молочница, мои слова и запоминай: в этом мире нет никого, кто был бы мне под стать, кому я могла бы поднести гирлянду. В моей прошлой жизни я была Рати, женой Кама-дэвы – бога любви. Мы жили на небесах и были изгнаны на землю, полную горя и страданий. Посмотри на меня, разве мое лицо не сияет ярче луны? Какой из смертных юношей достоин меня? Но есть и еще одна причина, по которой я не выхожу замуж. Если я выберу себе кого-нибудь в мужья, а мой владыка Кама-дэва вдруг вздумает однажды посетить меня, как я тогда объясню ему свой поступок? Вот почему я поклялась не выходить замуж. Я буду медленно вести корабль своей юности по морю жизни с гордо реющим стягом Кама-дэвы и останусь верной ему до конца.

Молочница пришла в восторг от таких умных и веселых речей. Она смеялась до упаду, а потом сказала:

– Я тоже хочу рассказать тебе одну правдивую историю, не знаю только, поверишь ли ты мне? Недавно я побывала на небесах, чтобы предложить богам свой товар. Там я повстречала твоего Кама-дэву, он, бедняжка, совсем зачах в разлуке с тобой. Увидел он меня, обрадовался и говорит: «Ты пришла с земли, ты поставляла молоко и простоквашу во дворцы многих раджей. Скажи мне, молочница, не встречала ли ты где-нибудь мою Рати? Я должен знать правду». И я ответила ему: «Да, я знаю ее, она родилась в доме богатого земледельца. Ее теперь зовут Камала, никто не может сравниться с ней красотой». Потом я рассказала ему о твоих родителях. Выслушал он меня и низко поклонился, а потом написал тебе письмо, оно у меня с собой. Прочти его, и ты поймешь, как он страдает по тебе. Ты не представляешь, через какие мытарства я прошла ради тебя. Мне долго пришлось карабкаться на небеса по лестнице, и теперь у меня разламывается поясница. Только одна я могла решиться на такое дело: я тебе преданна, как никто.

Когда Камала прочитала письмо, она сильно разгневалась. Кровь ударила ей в голову, сердце бешено заколотилось, но она подавила в себе ярость и сказала с деланной улыбкой:

– Да, милая молочница, ты и впрямь намучилась из-за меня и заслуживаешь щедрой награды. Шутка ли – взобраться на небеса. Разлученная со своим Кама-дэвой, я провожу дни в глубокой печали. Но, как видно, с твоей помощью скоро в моей жизни произойдет перемена. Скажи, как выглядит бог Кама-дэва, я ведь уже давно не виделась с ним.

– Красотою своей он подобен богу Карттикее и сияет, как молодой месяц. Спрятавшись за дерево, он видел, как ты купалась, и с тех пор только и бредит тобой. Если ты посмотришь в его глаза, они сразу очаруют тебя, как это уже случалось раньше со многими женщинами. Он служит у твоего отца управляющим, – сказала молочница.

– Чем я могу отблагодарить тебя за твои хлопоты? На, возьми вот это, – сказала Камала и сняла свое ожерелье.

Как только молочница потянулась за ним, Камала схватила ее за волосы и надавала таких крепких пощечин, что у старухи вылетели последние зубы.

Чикан повалилась Камале в ноги, обхватила их и стала просить прощения. Она не смела плакать громко, чтобы люди не узнали о ее унижении.

– Ты прожила уже три стадии своей жизни, подлая женщина, и доживаешь четвертую, последнюю, – говорила ей Камала. – Ты вела беспутную жизнь и хочешь, чтобы все другие поступали так же. Если я расскажу обо всем отцу, тебе несдобровать. Но я не буду пачкать руки о такую мразь, как ты. Предупреждаю: никогда больше не показывайся мне на глаза, это будет стоить тебе жизни! И то же самое скажи негодяю управляющему. Он точно жаба, домогающаяся лотоса, раб, жаждущий стать властелином. Самым справедливым наказанием для такого человека была бы смерть.

Молочница, едва держась на ногах, поплелась восвояси. С губ ее капала кровь. Когда встречные спрашивали ее, что случилось, она отвечала, что у нее разболелись десны. А если кто-нибудь проявлял излишнее любопытство, она выходила из себя и начинала браниться.

Целый день управляющий не находил себе места, а вечером, как только стемнело, поспешил к молочнице, гадая, что ответила девушка на его послание. Не успел он переступить порог дома Чикан, как та набросилась на него с ругательствами.

– Негодяй! – кричала она. – Только посмей еще хоть раз явиться ко мне, я разможжу твою голову! Если ты не перестанешь домогаться того, что задумал, тебя наверняка казнят. Будь я мужчиной, а не слабой женщиной, я отрубила бы твои поганые уши!

Нидан был страшно оскорблен и, не отвечая на брань молочницы, вернулся домой, горя жадой мщения.

«Клянусь, – говорил он себе, – что не пройдет и недели, как чакладар лишится своего состояния. Не такая уж он важная персона и целиком зависит от заминдара».

И Нидан написал донос в город Рагхупур заминдару Дайялу, которому подчинялся Маник. Письмо гласило:

«Низко кланяюсь Вашей милости и прошу прочитать это письмо. Чакладар нашел в земле огромные богатства – семь больших сосудов с золотыми монетами. Раз земля Ваша, то найденные сокровища по праву принадлежат Вам. А чакладар их присвоил себе». Как только заминдар получил письмо, он приказал немедленно доставить Маника во дворец. Тысячи стражников окружили дом чакладара, связали его по рукам и ногам и привезли в Рагхупур.

– Признавайся, какие сокровища ты отрыл в моей земле? – допытывался заминдар.

– Никаких сокровищ я не находил! – в смятении отвечал чакладар. – Кто возвел на меня эту напраслину? И почему со мной здесь обращаются, как с преступником, когда я ни в чем не виноват?

Заминдар разгневался еще больше и приказал заточить чакладара в темницу, которую все называли «хуншала».

Тем временем Нидан продолжал действовать. «Я устранил одно препятствие, – думал он. – Теперь надо убрать сына чакладара – Садхана».

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Какое горе! – с притворным сочувствием стал говорить он юноше. – Твоего отца, связанного по рукам и ногам, бросили в темницу и положили ему на грудь тяжелый камень. Не пристало сыну, отец которого терпит такие муки, праздно сидеть и предаваться печали. В старых преданиях говорится о том, что Рама и Лакшмана ради отца ушли в лес и прожили в изгнании четырнадцать лет. Парашурама по приказу отца убил свою мать. Не годится тебе в такой час сидеть дома. Надо спасать отца! Поезжай к заминдару и поднеси ему несколько золотых мохуров.

Послушавшись лукавых советов, Садхан отправился к заминдару, преподнес ему мешочек золотых мохуров и попросил освободить своего ни в чем не повинного отца.

– Ты должен немедленно отдать мне весь золотой клад, который нашел и незаконно присвоил твой отец, – заявил заминдар. – Только тогда я подумаю об освобождении твоего отца. Золотые монеты, найденные твоим отцом, по праву принадлежат мне, твой отец украл их у меня.

– Моего отца кто-то подло оклеветал, – ответил Садхан и стал просить заминдара о милосердии.

Заминдар не стал ничего слушать и приказал заточить Садхана в ту же темницу, где лежал его отец, и положить ему на грудь тяжелый камень.

Приказ заминдара гласил:

«Все золотые мохуры должны быть отданы их настоящему владельцу, то есть мне, только тогда отец и сын могут надеяться на освобождение». Так Нидан устранил последнее препятствие со своего пути. Затем он выколотил с райатов все недоимки и отвез деньги заминдару. Заминдар остался доволен расторопностью Нидана и назначил его чакладаром вместо Маника.

Вернувшись в свою деревню, Нидан пришел к Камале и сказал:

– Сегодня я назначен на место твоего отца. Теперь тебе лучше принять мое предложение. Я буду выполнять твои малейшие желания, как самый преданный слуга, А если ты не согласишься, судьба твоя будет достойна жалости. Даже деревья сбросят свою листву при виде твоих страданий. Подумай хорошенько. Если ты не хочешь выйти за меня, уходи из этого дома, который больше не принадлежит твоему отцу: заминдар передал его мне за мою верную службу.

Камала с возмущением отвергла домогания Нидана.

– Где это слыхано, – ответила она ему, – чтобы девушка выходила замуж за дьявола в человеческом облике? Ты ел соль моего отца всю свою жизнь, и сердце у тебя не дрогнуло, когда ты задумал его погубить. И с братом моим ты поступил так же. За все это ты заслуживаешь оплеуху. Лучше мне жить в лесу, чем оставаться под одной крышей с тобой. Скорее я буду просить милостыню, чем есть твой хлеб. Если бы сейчас здесь были отец и брат, тебя забили бы плетью до смерти!

Камала послала за носильщиками Андхи и Сандхи, преданными семье Маника, они тайно отнесли в паланкине ее и мать в дом к дяде, родному брату матери, который в это время был в отъезде.

Узнав, где находится Камала, Нидан написал ее дяде письмо:

«Твоя племянница погубила свою репутацию. Если ты оставишь ее в своем доме, то панчат изгонит твою семью из касты. Цирюльники не будут заходить в твой дом, брахман не станет совершать в нем обрядов, одним словом, ты будешь отверженным. Твоя племянница связалась с парнем из касты чандалов, ради которого она презрела все обычаи и всех родственников. Ее изгнали из родительского дома, и теперь она скрывается у тебя, навлекая проклятие и на твой дом. Ты должен немедленно ее прогнать. Не забудь, что заминдар издал указ: тому, кто приютит ее в своем доме, грозит смертная казнь». Дядя Камалы всему поверил и тут же послал своей жене такой наказ:

«Мне передали, что Камала со своей матерью, моей сестрой, живет сейчас у нас в доме. Говорят, что она вступила в любовную связь с молодым чандалом. Ты должна немедленно выгнать ее, не то мы потеряем касту. Как только получишь это письмо, немедленно прогони ее, а если она не захочет уходить, хватай ее за волосы и выволакивай из дома». Тетка Камалы очень расстроилась, когда прочитала это письмо. «Ведь мать Камалы – родная сестра моего мужа, – думала она, – а Камала нам племянница. Как прогнать их из дома? Куда же они пойдут и как тогда Камале сберечь свою честь? Что делать? Если мать и дочь узнают, что написал мне муж, они совсем отчаются. Я не могу смотреть им в глаза. Они совсем беспомощные, а я должна причинить им такую боль».

Долго размышляла тетка, не зная, как поступить. Наконец, когда Камалы с матерью не было дома, она зашла в их комнату и положила письмо мужа на видное место.

Вернувшись домой, Камала нашла письмо, прочитала его и залилась горькими слезами:

– О горе! Мой отец и брат брошены в тюрьму, один бог знает, какая злая доля привела меня в дом дяди. Мы все потеряли, наше состояние разграблено. И вот теперь эта беда!

Она долго рыдала, вспоминая, как жестоко обидел ее Нидан. Наконец она приняла решение: «Сегодня такое темное небо. Но все равно дольше оставаться в этом доме нельзя. Если я истинная дочь своих родителей, я здесь не останусь, что бы ни ожидало меня впереди. Лучше утону, отравлюсь или перережу себе горло. Пусть богиня Вана–Дурга решает теперь мою судьбу».

И, не попрощавшись со своей матерью, не сказав ни слова тетке, не думая о том, какое горе она им причинит, Камала ушла.

Солнце только что скрылось за горизонтом, и на небе начали загораться звезды. Камала помолилась Вана–Дурге и пошла, сама не ведая куда. Из-за слез она не различала дороги и брела наугад.

Не привыкшая к долгой ходьбе, Камала часто останавливалась, чтобы передохнуть, потом снова шла вперед. Так она добралась до густого леса, где не было никаких следов человеческого жилья и куда вообще редко ступала нога человека. Но всемогущий бог, наверное, услышал ее мольбы и послал ей навстречу путника – пастуха с буйволом. Увидев его, Камала промолвила:

– Ты послан мне, о пастух, самими небесами! Позволь мне называть тебя отцом. Большое несчастье заставило меня уйти из дому. Умоляю тебя, приюти меня под своей крышей. Мне не нужно ни еды, ни питья, позволь мне только провести ночь хотя бы в хлеву, постелив под голову край своего сари.

Пастух был поражен ослепительной красотой Немалы. Он подумал, что это сама богиня счастья Лакшми приняла облик девушки и явилась ему, чтобы испытать его веру.

– Сблаговоли, о богиня, посетить мой дом, – смиренно отвечал он ей, – я буду молиться тебе от всего сердца. Ты навсегда должна остаться в моем скромном доме. Даруй мне свое благословение и сделай так, чтобы я преуспевал в делах, чтобы горе и беда никогда не переступали моего порога и чтобы мои буйволицы давали молока в три раза больше, чем сейчас.

Сказав это, пастух повел Камалу в дом. Она зажгла вечерний огонь, сделала всю работу по дому, потом пошла в хлев и разожгла огонь в кадилнице, чтобы дымом отогнать мошкату от скотины. Затем она своими нежными руками приготовила постель для старика.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Так продолжалось три дня. Когда пастух возвращался домой с пастбища, все в доме было прибрано, еда приготовлена. Из молока она делала вкусный творог, а поджаренный в печи рис так и таял во рту. Подав пастуху еду, она сама не притрагивалась к пище, а стояла рядом, пока он не кончит есть. Все преобразилось в доме пастуха, для него началась новая, счастливая жизнь.

Однажды в те места приехал поохотиться на соколов некий юноша. Никто не знал, откуда он родом; видели только, что он красив и строен, как бог. Лицо у него было светлое, одежды расшиты золотом – все говорило о том, что он – царевич.

Как-то вечером, вернувшись с пастбища, пастух увидел этого юношу у своего дома.

– Я очень устал, бродя по лесу, – сказал юноша, – и меня мучает жажда. Дай мне напиться!

Камала принесла ему воды. Напившись, он почувствовал, как усталость покидает его.

– Послушай, старец, – сказал юноша, – я не знаю, кем приходится тебе та, что напоила меня. Но она скромна, как вечерняя звезда, и прекрасна, как молодая луна. Красотой с ней не может сравниться даже богиня Лакшми. Кто она, эта девушка? Кто ее родители? Я принял ее за царевну, но, может быть, по милости богов она родилась в твоём доме? Замужем она или нет? Расскажи мне о ней всю правду.

– О воплощение справедливости, соблаговоли выслушать меня, – смиренно отвечал ему старик. – Я и сам не знаю, кто ее родители и где ее дом. Думаю, это сама богиня Лакшми, которая сжалась надо мной и поселилась в моем бедном жилище. С того самого дня удача сопутствует мне во всем: я стал продавать много молока, у меня появились деньги, а моя буйволица, которая всегда была яловой, вдруг принесла буйволят.

Охотник выслушал старого пастуха и сказал:

– Отдай мне девушку, я увезу ее с собой. Взамен получишь от меня целую корзину жемчуга и золота, а от моего отца – четырнадцать бигхов земли.

– Не хочу я никаких богатств. Эта девушка мне как родная дочь, я не могу жить без нее. Всю жизнь я буду поклоняться ее стопам – лотосам. Ведь это сама богиня Лакшми, ставшая для меня всем на свете. Без нее жизнь покажется мне мрачной и пустой.

Что только ни предлагал пастуху юноша, старик ничего не хотел слушать. Юноша уговаривал его целый день и всю ночь, и только на следующее утро старик сдался.

– Тебе у меня было не так уж сладко, – сказал он Камале. – Прости меня и не забывай этот дом. Не надо мне никаких даров – ни золота, ни земли. Пусть только благословение твое сойдет на меня в час моей смерти.

Старик расплакался, а царевич Прадип Кумар взял Камалу за руку и увел за собой.

Однажды вечером Камала зажгла светильник у себя в комнате и, вспомнив о доме и о матери, горько заплакала. В это время к ней неслышно вошел царевич Прадип Кумар и остановился возле ее ложа.

– С тех пор как ты здесь поселилась, – сказал он девушке, – ты все время плачешь. А когда я спрашиваю тебя о причине твоих слез, ты отвечаешь: «Не сегодня...» Мне ведь нужно только знать, где твой дом и кто твои родители. Твоя красота сводит меня с ума. Но как мне быть, если я все время вижу тебя в слезах? Почему ты страдаешь? Осчастливь меня – выходи за меня замуж!

С того самого дня, как я увидел тебя в доме старого пастуха, я решил посвятить тебе всю свою жизнь. Я потерял интерес к соколиной охоте и редко выхожу из дома – ты видишь сама. Меня теперь ничто не трогает, даже красивые цветы, распустившиеся в саду, потеряли для меня свое очарование. Я стал сам не свой. Для меня ты дороже всего на свете. Если ты покинешь меня, я побреду вслед за тобой.

Каждое утро и каждый вечер царевич входил в комнату Камалы и спрашивал:

– Ответь мне, красавица, кто ты?

– Я отвечу тебе, царевич, когда придет время. В нужный час ты все обо мне узнаешь, а пока наберись терпения и жди.

Как пчела неохотно улетает от желанного цветка, отказавшего ей в нектаре, а потом снова возвращается к нему, так и царевич то уходил от Камалы, то приходил к ней вновь.

Так продолжалось три месяца.

Однажды до обитателей дворца донеслись громкие звуки барабанов.

«Почему так громко бьют барабаны?» – спрашивали друг у друга люди. И шепотом передавали новость: раджа собирается почтить богиню Кали человеческими жертвоприношениями. Камала узнала, что в жертву будут принесены ее отец и брат. Она горько рыдала, и даже деревья в знак сочувствия стали сбрасывать цветы и листья.

В этот скорбный час в ее комнату вошел царевич Прадип Кумар.

– Слыхала ли ты, милая девушка, что мой отец собирается совершить богослужение в честь богини Кали и принести ей в жертву людей? Пойдем в храм и посмотрим на это зрелище.

С печалью и мукой в голосе она спросила:

– Кто же те несчастные, которые будут принесены в жертву?

Царевич поведал ей историю двух людей, предназначенных для жертвоприношения, и сердце девушки сжалось от горя. Камала вытерла слезы и, пряча от царевича лицо, сказала:

– Сегодня, царевич, ты услышишь ответ на свой вопрос. Я не стану больше скрывать от тебя ничего и все расскажу перед царским судом – воплощением справедливости. У меня к тебе одна просьба: в деревне Гулиа живет некто Нидан, который стал теперь чакладаром. Вели ему явиться сюда. Там живут и двое носильщиков – Андхи и Сандхи. Пошли за ними – пусть они расскажут, что знают обо мне. В этой же деревне живет молочница Чикан, она тоже может дать важные показания.

Затем Камала назвала имена дяди и тетки; не забыла она и старого пастуха, в доме которого нашел ее царевич.

– Их всех надо пригласить на суд, – сказала она. – Если это условие не будет выполнено, я ничего о себе не расскажу.

Начался царский суд. Царевич Прадип Кумар занял место рядом с отцом. Все внимательно слушали баромаши Камалы.

«Послушайте, мудрые судьи, печальную историю несчастной девушки. Солнце и луна, будьте моими свидетелями. И вы, бессмертные боги,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

деревья и травы, огонь и вода, и ты, великая богиня, перед алтарем которой я стою, и ты, Индра, царь небес, и ты, Яма – владыка царства мертвых, и ты, Мать–земля, подтвердите, что все сказанное мною – правда. В лесу я часто молилась богине леса Вана–Дурге – я тоже призываю ее в свидетели. Первые мои свидетели – отец и мать. К их стопам я припадаю сотни раз, я уважаю и чту их, как богов. И брат мой милый тоже здесь – он подтвердит правдивость моих слов. Пусть расскажут все, как было, и Нидан, и молочница Чикан, а также мои дядя и тетка. На небе зажглась вечерняя звезда – пусть и она станет моей свидетельницей. Многие могут рассказать и мои слезы, и вот это письмо, написанное дядей моей тетке. Среди моих свидетелей и старый пастух, приютивший меня. И наконец, мой последний свидетель – царевич, который вызволил меня из беды. Он – властелин моего сердца, и я ничего от вас не скрою, о праведные судьи. В мае месяце, поздней ночью, когда черные тучи закрыли небо, родилась та несчастная, что стоит перед вами. Моя любящая мать дала мне нежное имя – Камала. Через три года родился мой брат. Мое сердце трепетало от радости, когда я видела мальчика, прекрасного, как месяц, на руках матери. Я тоже брала его на руки, играла с ним и нежила, качала в колыбели. Так прошло мое детство – в радости и веселье. Когда мне исполнилось тринадцать лет, отец стал думать, что пора выдавать меня замуж. Заря юности разукрасила алым румянцем мои щеки, и мать запретила мне ходить одной к реке. Я носила яркие сари, дорогие украшения, вплетала в косы гирлянды из чампы. Во время купания служанки умащали мое тело благовониями, расчесывали мои длинные волосы слюдными гребнями. Каждый день я ходила на реку в сопровождении служанок, и никто из чужих не осмеливался приблизиться ко мне. Пришел декабрь, месяц, когда наступают самые короткие дни. Из двенадцати братьев–месяцев декабрь – младший. Однажды, проснувшись поутру, я сотворила молитву Вана–Дурге. В полдень, умастив себя благовонными маслами и сняв ожерелье из крупных бриллиантов, я взяла золотой кувшин и отправилась со своими подружками на реку. По дороге они весело пели и плясали, и только мне было не до веселья: в самом начале пути я споткнулась о камень, а это плохая примета. О, если бы я знала, что встречу черную змею, я бы никогда не вышла из дому!» Слезы душили ее, и она указала на Нидана:

– Пусть этот человек расскажет суду, что произошло дальше!

Нидан молчал.

«– Наступил январь, затем февраль – время сильных холодов, – продолжала Камала. – Бедняки мерзли без теплой одежды, а длинные ночи медлили, не желая уступать место дню. Однажды к нам пришла со своим товаром Чикан и принесла вот это письмо. Я не буду рассказывать, что в нем написано, прочтете сами. Прошел март, пришел апрель – чудесное время года. Лианы и кустарники покрылись цветами, соперничая между собой в яркости красок. Казалось, будто за каждым кустом спрятался бог любви со своими цветочными стрелами. Те же, кто расставался в это время с близкими, испытывали нестерпимую боль. Жужжание пчел оживляло сады, не переставая куковали кукушки. Один раз я услышала, что мой отец и мать шепчутся о моем замужестве. Как раз в это время прибыл гонец с приказом отцу явиться во дворец. Быстро снарядила слонов и лошадей, отец подошел ко мне и сказал: „Я не знаю, дорогая дочь, как долго я там пробуду. Будь осторожна без меня". Расставаясь с отцом, я безутешно плакала. После его отъезда весь дом будто погрузился во тьму. Миновал май, пришел июнь, настали праздники в честь Вана–Дурги. Громко били барабаны, звенели карталы, играли оркестры. Все храмы были богато убраны, и нарядно одетые женщины и дети собрались под ярким навесом, чтобы принять участие в праздничной церемонии. Мы же с матерью сидели в одиночестве и горько плакали, опасаясь, как бы чего не случилось с моим отцом. Вскоре мы получили известие, что он заточен в темницу. Теперь, о воплощение справедливости, я хочу спросить тебя: в чем виноват мой отец и за что наказан? Нидан, наш управляющий, сказал брату, что он должен выручать отца из беды. Тогда уехал из дома и мой невинный брат, не знавший, как коварен мир. Мы же с матерью остались одни и горько плакали. Разве могла я принять участие в празднике Вана–Дурги? Мы слили воедино молитву наших сердец, обращенных к богине, прося ее о возвращении отца и брата. К середине июня отцели манговые деревья и на них появились зеленые завязи. Вокруг веселились люди, влюбленные качались на качелях, украшенных цветами, а мы получили известие, что мой брат тоже заточен в темницу. Что нам, бедным женщинам, оставалось делать, как не проливать слезы дни и ночи? Мы не знали, какому богу молиться о возвращении домой отца и брата. Место отца заняла черная змея, из страха перед ней мы даже не смели выражать вслух свое горе. К концу июня ветви манговых деревьев покрылись спелыми плодами. Мать направилась в храм богини Чанди и стала поститься, молясь о возвращении мужа и сына. День и ночь она лежала, распростершись ниц, у входа в храм. Я вытерла слезы, взяла мать за руку и привела домой, где она, не осушая слез, стала молиться богине Шаштхи. Ставши пленницами в собственном доме, мы с матерью вынуждены были покинуть его, не взяв с собой ни одного каури. Носильщики отнесли нас в паланкине в дом дяди. В июле начались дожди, лившие день и ночь, и, подобно дождю, беспрестанно лились наши слезы. Мы жили лишь одной надеждой; реки стали полноводными, мы смотрели на них и думали, что в один прекрасный день появится лодка, в которой возвратятся мои отец и брат. И тут от дяди, находившегося в отъезде, пришло письмо, которое подлило масла в огонь. Мать не видела письма, я ничего ей не сказала и, не попрощавшись с ней, ушла из дома дяди. Вот это письмо, пусть оно будет еще одним свидетельством. Я ушла потому, что не могла больше оставаться в доме дяди, не могла там ни есть, ни пить. Лучше мне было утопиться в реке или отравиться, чем оставаться там хоть на минуту. И я побрела куда глаза глядят. Вскоре показался густой, темный лес, и я вошла в него. Меня не тронули ни ядовитые змеи, ни злые тигры. Со слезами я молила богов о защите и просила указать мне какое–нибудь убежище. И тут мне повстречался пастух. Наверное, этот человек был моим другом в предыдущих рожденьях: он отнесся ко мне как родной отец и приютил меня в своем доме. Я пробыла там недолго. Этот пастух – мой главный свидетель, он спас мою честь, когда я была совершенно беззащитна. Я рассказала вам все и назвала всех своих свидетелей. Теперь я хочу назвать того, кто стал владыкой моего сердца. Это произошло в августе, когда множество соколов наполнили своим криком небеса над болотами. Тогда в этих местах появился царевич, и я повстречалась с ним в доме пастуха. Он начал расспрашивать меня, кто я такая и кто мои родители. Я отвечала, что скажу об этом в должный час. Подавая ему напиток, я почувствовала, как в моем сердце вдруг проснулось нежное чувство к нему. Юноша был прекрасен, как бог Карттикея, и я не могла оторвать от него глаз. Он забрал меня с собой. Отделанная золотом лодка с гордо поднятым голубым парусом привезла меня сюда, во дворец, где я по своей воле стала служанкой царицы, которая относится ко мне как к родной дочери. Дни и ночи я ждала ее приказаний, готовая исполнить любое ее желание. Однажды я услышала звуки барабанов, музыку, увидела на улицах нарядных людей и танцоров. „Что это за торжество?" – спросила я. Мне ответили, что сегодня отмечается праздник в честь богини Моноша–дэви. Услышав это, я вспомнила родной дом, и мое сердце забилося от волнения. Алтарь нашего дома был пуст. Я вспомнила о матери, которую я так жестоко покинула, ведь она не выдерживала разлуки со мной даже на короткое время. В сентябре мать обычно готовила различные сладости. Воспоминания об этих днях терзали мое сердце, я безумно тосковала по дому. В сентябрьские ночи, когда луна светит так ярко, что в ее свете можно увидеть дно реки, мои глаза застилала мгла. В октябре, когда в каждом доме празднуют Дурга–пуджу, никто не зажег ни одной свечи в доме моего отца. В глубине своего сердца я молила Дургу сжалиться над моими отцом и братом и вернуть их домой. В ноябре люди зажгли у своих домов яркие светильники, которые горели всю ночь. Никто не спал, везде слышались музыка и песни. Девушки, надев свои лучшие наряды, веселились больше всех. Настал декабрь, и на полях созрел рис. Вид золотого урожая наполнил радостью сердца крестьян. По вечерам, когда они возвращались домой в венках из золотых колосьев, их жены брали зажженные светильники и с праздничными песнями выходили мужьям навстречу, моля Лакшми о ниспослании удачи на весь год. В каждом доме возносились молитвы богине Лакшми. Из риса нового урожая женщины готовили сладости и подносили их богине. Когда все люди молились богине счастья, я спрашивала себя: „Могу ли я надеяться на счастье?" Я была разлучена с родителями, с братом, а у меня больше никого нет на свете. В слезах провела я всю ночь. То, о чем я хочу рассказать дальше, может подтвердить сама царица. Недавно, когда я приготовила ей благовония и пошла на пруд за водой, вдруг раздались звуки барабанов, и я увидела, как куда–то заспешили люди, одетые в праздничные одежды. Я спросила у них, какое предстоит богослужение. Мне ответили, что на алтаре богини Кали будут принесены в жертву люди. Я услышала их имена: это были мои отец и брат. Наполнив кувшин водой, я поспешила к царице, помогла ей искупаться, нарядила ее в лучшие одежды и проводила в храм, а сама вернулась в свою комнату. Вытерев слезы, я стала думать, как спасти отца и брата от смерти. Тут ко мне вошел царевич. Я спросила его, что происходит во дворце и почему так громко бьют барабаны. Он ответил: „Сегодня мой отец собирается почтить богиню Кали человеческими жертвами". Он назвал мне имена тех, кто предназначался для жертвоприношения. Мой рассудок помутился от горя, но я сдержала себя. „Сегодня, царевич, наступил тот день, когда я могу рассказать тебе историю своей жизни. Проводи меня в храм", – сказала я. Царевич привел меня сюда, и я все рассказала о себе перед лицом богини Кали. Пусть и она станет моей свидетельницей. О раджа, прошу тебя сначала вынести справедливое решение, а потом принести жертвы богине». Баромаши, или песнопение о двенадцати месяцах, на этом кончается. Теперь послушайте решение раджи.

Он собрал всех своих министров и приближенных, чтобы разобрать дело и вынести приговор. Вне себя от гнева, он приказал Нидану сей же час во всем признаться. Тот со страху не мог вымолвить ни слова.

Раджа прочитал перед собравшимися его письмо, после чего обратился к молочнице:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Расскажи–ка нам, ведьма, как ты потеряла свои зубы?

Молочница стала бормотать что–то невнятное в свое оправдание, а потом заявила:

– У меня долго болели десны, оттого я и потеряла зубы.

Раджа рассердился еще больше и приказал стражнику схватить ее за волосы. Старуха не выдержала и стала поносить Нидана последними словами:

– Это он во всем виноват! Я и знать не знала, что написано в письме. Я ни в чем не виновата, освободите меня, несчастную!

Братья Андхи и Сандхи показали, как они отнесли в паланкине Камалу с матерью к родственникам. Дядя и тетя Камалы поведали о том, что произошло в их доме, потом дал чистосердечные показания пастух, и, наконец, царевич рассказал о том, как он увидел Камалу в доме пастуха, когда охотился в тех краях.

Так один за другим дали показания все свидетели. Пора было выносить приговор. Нидана связали по рукам и ногам и бросили к стопам раджи. Тот сказал, что преступника следовало бы посадить на кол и даже такое наказание недостаточно для него сурово. Было решено, что на рассвете, когда закончится богослужение матери Кали, Нидана принесут в жертву на ее алтаре.

А теперь расскажем о свадьбе Камалы.

Брахманы и астрологи определили благоприятный для бракосочетания день. Свадебные приглашения написали красными чернилами и поставили на них киноварью семь меток. День и ночь не смолкали барабаны, нежно звучала мелодия флейты. Дворец заполнился гостями, на женской половине собрались красавицы. Люди пели и танцевали, столы ломились от яств и сладостей, приготовленных лучшими поварами столицы. Дворец был красиво украшен и светился тысячами огней.

Отовсюду съехались родственники, священнослужители и ученые брахманы. Богам воздали должное: Вана–Дургу почтили песнями, богине Кали принесли в жертву двух коз и буйвола. А во дворе храма устроили шраддху, чтобы почтить души предков.

Другие Бенгальские сказки